
Н. Ф. РАХМАНКУЛОВА

МОЖНО ЛИ ИЗМЕРИТЬ СЧАСТЬЕ?

Автор работы продолжает обсуждение вопросов о значимости текущих глобальных исследований благополучия, осуществляемых в рамках проекта ООН и представляемых в ежегодных Всемирных докладах о счастье. Она рассматривает замечания, сделанные по ее публикации («Философия и общество», 2018, № 1) в статье И. Ю. Алексеевой («Философия и общество», 2019, № 4), сосредоточив внимание на тех замечаниях, в которых выражается сомнение в доброкачественности применяемого в упомянутых докладах «индексирования счастья» и в его совместности с идеями Аристотеля. Н. Ф. Рахманкулова разделяет опасения И. Ю. Алексеевой по поводу отрицательных последствий неадекватной операционализации гуманитарных понятий и считает чрезвычайно важными усилия по противодействию злоупотреблениям в использовании измерительных процедур и больших массивов данных при определении и сравнении уровня развитости человеческих сообществ. Настоящая статья опирается на материалы социологических, лингвокультурологических, психологических и историкофилософских исследований и содержит доводы в пользу того, что разработчики Всемирных докладов о счастье стремятся максимально адекватно охарактеризовать положение дел с благополучием по странам, сохраняя смыслы универсальных гуманитарных идей и выступая продолжателями дела создателя «Никомаховой этики» и «Политики».

Ключевые слова: *Всемирные доклады о счастье, гуманитарные понятия, измерительные процедуры, индексация счастья, эвдемония, Аристотель, «Никомахова этика».*

The author continues to discuss the relevance of the current global research on well-being, carried out within the framework of the UN project and presented in the annual World Happiness Reports. She analyzes the comments made on her publication ('Filosofiya i Obschestvo', 2018, No. 1) in the article of I. Yu. Alekseyeva ('Filosofiya i Obschestvo', 2019, No. 4), focusing on those remarks that express doubts about the good quality of the 'indexing of happiness'.

ness' used in the mentioned reports and its compatibility with the ideas of Aristotle. N. F. Rakhmankulova shares I. Yu. Alekseyeva's concerns about the negative consequences of inadequate operationalization of humanitarian concepts and considers efforts to counteract misuse in the use of measuring procedures and large data sets in determining and comparing the level of development of human communities extremely important. The present paper is based on materials from sociological, linguoculturological, psychological and historical-philosophical studies and contains arguments in favor of the fact that the authors of the World Happiness Reports strive to adequately characterize the state of well-being in countries, preserving the meanings of universal humanitarian ideas and acting as successors of the creator of 'Nicomachean Ethics' and 'Politics'.

Keywords: World Happiness Reports, humanitarian concepts, measuring procedures, indexing of happiness, eudaimonia, Aristotle, 'Nicomachean Ethics'.

Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты. ...
Познай, где свет, – поймешь, где тьма.
Пусть же все пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.

Александр Блок

В статье Ирины Юрьевны Алексеевой «Индекс счастья и конец истории» [Алексеева 2019] содержится ряд существенных замечаний и суждений по поводу идей, представленных в моей статье «О праве на счастье. Идеи Аристотеля для общества знания» [Рахманкулова 2018]. Замечания по большей части относятся к моей трактовке материалов, связанных с изучением и представлением положения дел с благополучием по странам мира в рамках осуществляемого с 2011 г. по программе ООН проекта, по которому ежегодно готовится Всемирный доклад о счастье – World Happiness Report (далее – проект WHR).

В моей статье проводится мысль о том, что авторы концепции WHR опираются на понимание счастья как эвдемонии в соответствии с традицией, заложенной Аристотелем, и что многолетние междисциплинарные исследования, обобщаемые в этих докладах, подтверждают с помощью современных научных средств плодотворность

творность этих философских идей и наращивают их объяснительный потенциал.

И. Ю. Алексеева предлагает иной подход к характеристике применяемого в WHR «индексирования счастья». Она полагает, что это индексирование идет в русле «экспансии измерительных методов в тех сферах жизни общества, где результаты измерений не только не помогают понять суть важнейших явлений и процессов, но используются для искажения этой сути» [Алексеева 2019: 58].

Отрицательное воздействие такой экспансии И. Ю. Алексеева показывает на примере злоупотребления наукометрическими показателями при оценке деятельности ученых, что приводит к искажению сути науки. Складывается ситуация, когда «борьба различных организаций (включая научные и образовательные) за места в разного рода рейтингах ведет к забвению целей, ради которых эти организации существуют, и тех потребностей общества, которым они должны отвечать» [Там же: 58–59]. Алексеева точно выражает смысл данного типа деформации, видя его в «неадекватной операционализации гуманитарных понятий, в результате которой сущностное содержание подменяется числовыми манипуляциями, создающими иллюзию точности и объективности» [Там же: 59].

И. Ю. Алексеева подкрепляет сомнение в достоверности ранжирования стран по индексу счастья указанием на то обстоятельство, что лидерами такого рейтинга оказываются страны с наиболее высоким уровнем дохода, тогда как именно в них из года в год отмечаются «наиболее высокие показатели самоубийств» [Там же: 63].

Кроме того, Алексеева пишет в своей статье, что в контексте учения Аристотеля «выглядит абсурдной сама мысль о возможности числовых показателей счастья», поскольку он выступал за то, «что следует добиваться лишь такого качества ясности и точности, которое сообразно рассматриваемому предмету» [Там же].

Эти и другие вопросы, поднимаемые в статье Алексеевой, затрагивают серьезные проблемы, требующие внимательного изучения и дальнейшей разработки. Надеюсь, что представленное ниже обсуждение некоторых из них поможет продвинуться в этом направлении.

Надо сказать, что я полностью разделяю идеи И. Ю. Алексеевой об ограниченности измерительных технологий и об ущербности неадекватной операционализации гуманитарных понятий. Особенно рискованно их применение по отношению к творческой деятельности, будь то для измерения научных достижений или же того, что находится в центре внимания в обсуждаемых статьях, – жизненных достижений, увеличивающих человеческое благополучие. Опыт философии обостряет видение того, чем грозят ловушки редукционизма, сведения качественных характеристик к количественным, того, к каким потерям приводят попытки этим способом «расплести радугу» и «подрезать крылья ангелам». Тем более когда упрощенные схемы служат ориентирами для принятия общественно важных решений.

Считаю заслуживающими всяческой поддержки усилия И. Ю. Алексеевой и всех, кто противодействует широкомасштабным манипуляциям, производимым с использованием измерительных технологий и «больших данных», кто препятствует осуществлению с их помощью чиновничьих интервенций, ведущих к деградации науки и образования. Большую тревогу вызывает применение таких технологий с целью монополизации потенциала искусственного интеллекта и сосредоточения властных и экономических ресурсов в руках новой международной элиты и популистов, что ведет к углублению цифрового неравенства и социальной разобщенности на нынешнем этапе информатизации и глобализации.

Таким образом, настороженное отношение к «индексации счастья» выглядит вполне объяснимым. Однако мне представляется, что проект WHR строится на принципах, выражающих стремление к сохранению адекватных смыслов гуманитарных понятий, к тому, чтобы при использовании измерительных технологий приоритет отдавался качественным показателям, чтобы алгебра и гармония «поверялись» друг другом.

Прежде чем разъяснить свою позицию по этому вопросу, считаю необходимым отметить еще одно обстоятельство, которое, по моим наблюдениям, питает, зачастую не осознаваясь, изначальное недоверие, в том числе и моих коллег, к проекту по измерению и сопоставлению счастья народов. Вызывают внутреннее сопротивление и неприятие сами выражения «рейтинг счастья по странам»,

«счастливые и несчастные страны», «предикторы счастья» и т. п. Показательно в этом отношении использование словосочетания «индекс счастья» в названии статьи И. Ю. Алексеевой. Употребление слова *счастье* в этих сочетаниях, по моему собственному наблюдению, может болезненно задевать и даже оскорблять языковое чувство. У человека, для которого русский язык родной, возникает ощущение, что они искажают то, что нам особенно дорого в счастье. Больше того, за этими выражениями можно усмотреть покушение на ценности отечественной культуры, навязывание через языковые значения канонов другой, в данном случае – англо-американской, культуры, направленное на установление ее господствующего положения в мире. В такой ход мысли вписывается и опасение, что оценка степени развитости нашей страны по сравнению с другими будет заведомо неадекватной, скорее всего, заниженной, поскольку устанавливается в соответствии с иным, приземленным и далеким от нашего, пониманием счастья. Все это способствует росту недоверия к методам и результатам всей программы по всемирному изучению счастья по странам.

Действительно, во Всемирных докладах о счастье, а также во Всемирном обзоре ценностей (*World Values Survey*) и других подобных исследованиях широко используются английские слова – существительное *happiness* (*счастье, довольство*) и прилагательное *happy* (*счастливый, довольный*). О несоответствии их семантики и прагматики словам, обозначающим счастье в других языках, и о необходимости тщательного учета этих расхождений в сравнительных междисциплинарных исследованиях благополучия народов свидетельствуют не только наши языковые чувства, но и научные данные.

Выдающийся лингвокультуролог Анна Вежбицкая считает, что значение и практика употребления слов, обозначающих счастье, различна у разных народов, а глобальные исследования счастья и ценностей, не учитывающие эти различия, не имеют надежного «индекса счастья» и не дают достоверных результатов. Так, от англо-американского *happiness* русское *счастье* отличается тем, что по-русски *счастье* в своем основном значении указывает на благо исключительное, возвышенное, приходящее извне, стремительное возникающее и ускользающее, не поддающееся градации, экзи-

стенциально переживаемое и переполняющее чувствами. Значение английского *happiness* ближе к тому, что мы называем удовлетворенностью, довольством, радостью, это благо более приземленное, обыденное, достижимое личными усилиями, доступное каждому [Wierzbicka 2004; 2011]. В русской культуре счастье «воспринимается как нечто абсолютное, как *исполнение* или *спасение*, а не как нечто повторяемое» [Idem 2011: 169]. Отечественная исследовательница А. А. Зализняк находит настолько глубоким разрыв между *happiness* и *счастьем*, что даже сомневается в их «переводной эквивалентности». Она полагает, что в русском языке *счастье* в своем основном значении «относится к сфере идеального и в реальности недостижимого, находится где-то рядом со “смыслом жизни” и другими фундаментальными и недостижимыми категориями бытия» [Зализняк 2012: 112]. А. Вежицкая в заключении процитированной выше работы пишет: «Как мы видели в начале статьи, “счастье” стало важным вопросом политики и экономики. Но и здесь недостаток внимания к значению слов приводит к необоснованным выводам и вызывает путаницу и недопонимание. Как в “исследованиях счастья”, так и в “политике счастья” подлинный прогресс требует большей языковой и межкультурной утонченности, чем мы видим во многих публикациях по этой теме» [Wierzbicka 2011: 169].

Следует добавить, что значение и употребление слов, обозначающих счастье, варьируется не только от культуры к культуре, от языка к языку, но и внутри культур и языков. Смысл этих слов изменяется во времени, различен в разных культурных слоях и лексических стратах, например, в официальной, научной, художественной и повседневной речи [Воркачев 2012; Oishi *et al.* 2013].

Однако какими бы серьезными ни казались обвинения в языковой некорректности и вытекающей отсюда несостоятельности исследований, представляемых во Всемирных докладах о счастье, критика, на мой взгляд, справедлива лишь отчасти, скорее, в отношении словесной формы докладов, но не их существа. Выглядит натянутым, даже неадекватным в этом проекте именно использование слов *счастье/несчастье* в названии докладов, рейтингов, индексов, факторов и т. п., а слов *счастливый/несчастливый* – для характеристики людей, тех или иных социальных групп, народов

и стран. Но если вникнуть в суть дела, то мы увидим, что в проекте WHR исследования основываются на опросах, в ходе которых людей не спрашивают ни о том, что они понимают под счастьем, ни о том, счастливы они или нет. Кардинальным является вопрос о том, насколько респондент доволен своей жизнью.

Как отмечалось в моей упоминавшейся выше статье, сам проект Всемирных докладов о счастье в мире возник в результате понимания того, что надо покончить с «тиранией ВВП» при определении степени развитости общества. Необходимо опираться на универсальные показатели качества жизни в различных сообществах, странах и регионах планеты. Но критериям универсальности такой меры не удовлетворяет достаточным образом даже сумма внешних объективных показателей, включающая ВВП (по ППС) на душу населения, среднюю продолжительность жизни, уровень образования жителей и даже состояние экологии.

Решение было найдено посредством перенесения точки отсчета на противоположный полюс: от объективного, однозначного, частичного измерителя к субъективному, многозначному, интегративному показателю благополучия жизни. По моему мнению, подробно развернутому в обсуждаемой статье, этот поворот стал возможным благодаря опоре на философское осмысление счастья как эвдемонии в духе Аристотеля, видевшего ее как целостную характеристику благой жизни. Она доставляет человеку глубинную устойчивую радость, по-своему создается разными людьми в зависимости от их склонностей, воли, представлений о совершенной жизни и внешних условий. Скорее этот, а не лингвоспецифичный для англо-американской культуры смысл выступает в докладах основным в словах *happiness* и *happy*.

В исследованиях, представленных в WHR, уровень счастья индивида определяется им самим в соотношении с тем, что он считает для себя совершенным образом жизни. В ходе опроса респондент оценивает свою жизнь, помещая ее на воображаемой лестнице с десятью ступенями, от худшей – на первой до наилучшей – на десятой. Из этих данных выводится средний показатель по стране. В WHR 2020, где приводятся цифры по каждой стране, усредненные за 2017–2019 гг., выше всех оценили благополучие своей жизни жители Финляндии – на 7,809 баллов, поставив его ближе

к 8-й ступени, ниже всех – жители Афганистана – на 2,567 баллов, расположив его между второй и третьей ступенями [World... 2020: 20, 22]. Положение страны в рейтинге счастья WHR целиком определяется этим субъективным показателем – оценкой качества своей жизни, сделанной самим человеком.

Шесть других переменных выделяются как наиболее существенные для удовлетворенности жизнью факторы: 1) ВВП на душу населения; 2) продолжительность здоровой жизни; 3) социальная поддержка; 4) свобода жизненного выбора; 5) благотворительность; 6) восприятие коррупции. Только два первых фактора – объективные, остальные четыре – субъективные, то есть определяются в результате обобщенных оценок условий своей жизни, которые дают сами жители стран в ходе социологических опросов. Авторы доклада WHR 2020 специально обращают внимание на роль этих переменных как объясняющих (и далеко не исчерпывающе) различия в положении стран в рейтинге счастья. Они пишут: «Обратите внимание, что мы не строим наше измерение счастья в каждой стране, используя эти шесть факторов. Вместо этого баллы складываются из оценок субъективного благополучия, даваемых самими индивидами, о чем свидетельствуют их ответы в обзоре Gallup World Poll (Всемирного опроса Гэллапа). Скорее, мы используем шесть переменных, чтобы помочь нам понять источники различий в счастье между странами и с течением времени» [*Ibid.*: 15].

Вклад каждой из этих шести ключевых переменных и их суммарный вклад в определение уровня счастья варьируются по странам и периодам. В среднем вместе они объясняют только три четверти содержания оценки субъективного благополучия, для Сингапура и Гонконга, например, – около семи восьмых, для Латинской Америки – около половины, а для ряда африканских стран – около трети [*Ibid.*: 16, 20–22]. Остается простор для выявления других существенных для достижения хорошей жизни факторов и условий, их культурной специфики и динамики. Основная часть докладов WHR посвящена содержательному, качественному рассмотрению этих явлений.

Работающие по программе WHR ученые, обращаясь к идеям Аристотеля об эмоциональной составной эвдемонии, исследуют

связь позитивных и негативных переживаний с факторами благополучия и общей оценкой жизни. Подтверждается важная роль устойчивых положительных эмоций в поддержании благой жизни. В частности, было обнаружено, что из шести выделенных факторов свобода и щедрость вызывают такие эмоции в наибольшей степени, «что, в свою очередь, оказывает большое влияние на оценки жизни» [World... 2020: 16].

Критически осмысливая полученные результаты, авторы сами указывают на недостатки ряда методов и критериев измерения благополучия в мире и стараются корректировать их. Это хорошо видно на примере изучения феномена «латиноамериканского счастья». Страны Латинской Америки стабильно демонстрируют высокий уровень субъективного благополучия при относительно невысоких позициях по целому ряду экономических и социально-политических параметров. Так, Коста-Рика опережает США на несколько ступеней в рейтинге счастья, занимая в 2020 г. 15-е место (7,121 балла), тогда как США находятся на 18-м месте (6,940 балла).

Рассмотрению этого феномена в WHR 2018 была посвящена глава «У счастья в Латинской Америке есть социальные основания» [World... 2018: 115–146], написанная М. Рохасом – костариканцем, профессором Латиноамериканского факультета социальных наук (Мехико). Он пишет, что хорошие показатели по степени счастья и положительных эмоций, характерные для стран Латинской Америки, контрастируют с тем, что они относятся к региону «с уровнем дохода от среднего до низкого, с высоким уровнем бедности, неравенства в доходах, высоким уровнем насилия, преступности и коррупции» [*Ibid.*: 141].

М. Рохас объясняет «латиноамериканское счастье» особенностями культуры региона, для которой характерны: «нацеленность на воспитание теплых и близких межличностных отношений с родственниками и друзьями, центральное место в семье – как ядерной, так и расширенной – аффективный режим, который ценит и поощряет опыт проявления эмоций; существование относительно слабых гражданских отношений (отношений вне семьи, друзей, соседей и коллег), относительное игнорирование материалистических ценностей и слабые политические институты» [*Ibid.*: 118]. При этом латиноамериканцы страдают от своих многочисленных соци-

ально-экономических проблем, и «на самом деле счастье может возрасти, если эти проблемы будут должным образом решены» [World... 2018: 141].

Для понимания смысла развития народов в современном мире весьма значимыми мне представляются общие выводы автора главы – «четыре урока» «латиноамериканского счастья». Во-первых, подтверждается приоритетность субъективных показателей благополучия, дающих возможность учитывать своеобразие культур, сопоставлять оценки, сделанные с различных ценностных позиций. Во-вторых, критерий дохода явно недостаточен при определении качества жизни, поскольку «человек не сводится к потребителю, а благосостояние – к покупательной способности». В-третьих, подлинно личностные отношения между людьми важнее для их счастья, чем инструментальные. В-четвертых, государственная политика должна исходить из целостного взгляда на благополучие людей, быть направленной не только на решение социальных проблем, но и на укрепление достоинства народа, в случае латиноамериканцев – «обилия и качества близких, теплых и подлинных межличностных отношений» [*Ibid.*: 141].

Эти выводы согласуются с результатами специального изучения других регионов. В WHR 2020 есть глава «Скандинавская исключительность: Чем объясняется, что скандинавские страны постоянно оказываются среди самых счастливых в мире», написанная авторами из Финляндии, Дании и Швеции. В Скандинавии, где все хорошо и с доходами, и с другими пятью основными предикторами благополучия, также обнаруживается иной нематериальный и весьма благоприятный фактор – общественное доверие: вертикальное – между гражданами и институтами, и горизонтальное – между согражданами. Авторы заключают, что в институциональном отношении создание «правительства, которое заслуживает доверия и хорошо функционирует, а в культурном отношении формирование чувства общности и единства среди граждан являются наиболее важными шагами на пути к обществу, где люди счастливы» [*Ibid.*: 141].

В той же главе о «скандинавском счастье» поднимается вопрос о высоком уровне самоубийств в богатых странах, который затрагивает в своей статье и И. Ю. Алексеева. Действительно, по стати-

стике в странах с высоким уровнем дохода процент самоубийств несколько выше, чем в среднем по остальным странам. Однако мы знаем, что используемый в WHR индекс счастья не определяется уровнем дохода. В рамках нашей статьи придется оставить в стороне сложную проблему соотношения степени благополучия социума, уровня доходов и уровня самоубийств в нем. Суицидальное поведение обусловлено, помимо прочего, множеством специфических культурных факторов, включая религиозные установки и национальные традиции, особенно те, которые влияют на табуирование суицида, на прочность семьи и границы личной автономии. К тому же отчетность по самоубийствам сильно зависит от качества статистики, которая в развитых странах в целом гораздо точнее отражает социальную реальность. Например, по статистике, в очень далеком от процветания Афганистане уровень самоубийств заметно ниже среднего по миру. В целом данные по суицидам не могут быть основным критерием для оценки степени благополучия страны.

Касаясь ситуации с суицидом в Скандинавских странах, стабильно занимающих высшие позиции в рейтингах WHR, авторы главы о Скандинавии пишут о распространенности мнения «о том, что в дополнение к высоким показателям счастья в странах Скандинавии отмечается высокий уровень самоубийств – кажущийся парадокс». Дело в том, что этот уровень был там высок в 70-х–80-х гг. прошлого века, но «эти показатели резко снизились с тех дней, и в настоящее время зарегистрированные показатели самоубийств в Скандинавских странах близки к среднеевропейским». Вывод авторов главы: «Таким образом, этот кажущийся парадокс, по-видимому, основан на устаревшей информации, поскольку показатели самоубийств в Скандинавских странах не особенно высоки и хорошо прогнозируются теоретическими моделями, в которых одни и те же факторы способствуют как повышению удовлетворенности жизнью в этих странах, так и более низким показателям самоубийств» [World... 2020: 132]. Стоит добавить, что, учитывая данные за 2016 г., опубликованные в 2019 г. в докладе ВОЗ «Суицид в мире: Глобальные оценки здоровья», можно заключить, что ни одна из стран, составляющих первую десятку в рейтингах счастья за аналогичный период, не входит в число десяти стран, лиди-

рующих по количеству самоубийств на 100 тыс. человек [World... 2017: 20–22; Suicide... 2019: 18–32].

Возвращаясь к теме применимости числовых измерений к сугубо гуманитарным предметам, соглашусь с идеей И. Ю. Алексеевой о том, что в исследованиях необходима особая, сообразная этим предметам точность. Считаю, что такого рода представления, заложенные в концепциях гуманитарного знания В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Х.-Г. Гадамера и, конечно же, М. М. Бахтина, являются неоспоримым достоянием современной философии и науки. В то же время мы видим мощное вторжение измерительных процедур, в частности, математической статистики, оснащенной компьютерными технологиями, не только в экономические и социологические исследования, но и в такие гуманитарные области, как психология, филология, история, искусствоведение, культурология и т. п. Например, в докторской диссертации по психологии, защищенной в 2017 г. по сугубо гуманитарной теме «Смысложизненный кризис личности», сообщается об использовании в этом исследовании методов статистической обработки эмпирических данных, что отвечает современным требованиям к такого рода трудам. Среди этих методов – «описательная статистика, индуктивная статистика (параметрические и непараметрические критерии оценки значимости межгрупповых различий, корреляционный, дисперсионный, ковариационный, регрессионный, кластерный, эксплораторный и подтверждающий факторный анализ, медиаторный и модераторный анализ, анализ мощности [d-Козна], многомерное шкалирование) с применением пакетов программ StatSoft STATISTICA 7.1, SPSS 20.0 и EQS 6.2, а также специального макроса PROCESS 2.15 для проведения бутстреп-анализа в среде SPSS» [Карпинский 2017: 11].

При ускоренном освоении нового цифрового инструментария издержки его применения неизбежны. Тем не менее, судя по тому, что ученые только усиливают работу над его совершенствованием и дальнейшим внедрением в гуманитарные изыскания, он признается эффективным. Главное, на мой взгляд, в новых условиях с большей осмотрительностью продолжать делать то, что всегда входило в творческие задачи гуманитария – создавать и применять адекватные способы определения качественных и количественных параметров исследуемых явлений, критериев их оценки, сопоставления

и соизмерения. Даже мы, преподаватели философии, многие из которых, включая меня, избегают тестирования и других формализованных приемов оценки знаний по нашей переполненной смыслами «материи» и стараются вести проверку в виде беседы, в итоге ставим отметки, имеющие числовые выражения.

Здесь уместно вернуться к суждению И. Ю. Алексеевой о том, что само признание возможности измерения счастья и его числового представления противоречит исследовательскому духу Аристотеля и его «Никомаховой этики». Ссылаясь на место в этом произведении, где говорится о необходимости добиваться такой ясности и точности, которая соответствует изучаемому предмету, И. Ю. Алексеева далее обращается к словам Аристотеля, следующим за этим утверждением, в которых он поясняет (NE, I,3, 1094b 14–19), что в понятиях «прекрасного» и «правосудного» много разного и расплывчатого, таково и понятие «блага», от которого многим бывает вред, ведь «известно, что одних сгубило богатство, иных – мужество» [Аристотель 1984: 55–56].

На это можно ответить, что приведенное выше рассуждение Аристотеля идет в самом начале его труда, в ходе постановки задачи, а дальше в десяти книгах «Никомаховой этики» разворачивается работа философа по уточнению, прояснению и систематизации понятий, раскрывающих смыслы благ и добродетелей, что можно отчасти видеть и по моей обсуждаемой здесь статье. Он разрабатывает в духе эвдемонизма не только классическое понимание счастья как такового – самодостаточного, совершенного человеческого блага, но и показывает отношение к нему частных благ и добродетелей. В частности, богатство он характеризует как благо несовершенное, поскольку оно не самодостаточно, утилитарно (NE, I,3, 1096a 6–7), жизнь «стяжателя как бы подневольная, и богатство – это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, то есть существует ради чего-то другого» [Там же: 59]. В третьей книге (NE, III, 9–12) Аристотель определяет общий смысл мужества, его отношение к счастью, а также выделяет пять видов того, что считается мужеством, отказывая некоторым в подлинности, не считая мужественными самонадеянных и не знающих страха [Там же: 108–113].

Разыскания эти Аристотель ведет методично, опираясь при этом на большой фактический материал. Приведу хорошо выведе-

ренные, на мой взгляд, суждения В. Виндельбанда по этому поводу. Он отмечает, что «Аристотель проникнут главным образом чисто научным духом», «является воплощением греческой науки». Немецкий философ выявляет общую схему исследования Стагирита: «...точная формулировка вопроса, критика воззрений, существующих по этому вопросу, тщательнейшее исследование различных представляющихся относительно этого вопроса точек зрения, обширное собрание фактов и стремление дойти в конце до ясного результата». Виндельбанд подчеркивает: «Понимание действительности, обработка фактического материала и склонность принимать во внимание его ценность проявляется в практической философии Аристотеля чуть ли не больше, чем в теоретической» [Виндельбанд 1995: 200, 204, 239].

Аристотель закладывает традиции коллективной научной деятельности, которые продолжают и в современных глобальных проектах. Виндельбанд пишет: «Самой выдающейся чертой его интеллектуальной личности является организаторская способность в руководстве научными занятиями; при помощи ее он распределял материал, выдвигал и формулировал проблемы, устраивал и общие, и отдельные научные работы. Эта выработка метода научных занятий и есть его самая главная заслуга» [Там же: 201]. Широко известно, что политическое учение Аристотеля основывалось на большом массиве фактических данных, собранных им самим и его учениками. А. И. Доватур пишет о том, что «о политической жизни государств Аристотель мог судить со знанием дела», при его непосредственном участии была создана «обширная серия в 158 монографий, содержащих очерк истории и современного состояния разных государств» [Доватур 1984: 44].

Основной эмпирический материал, с которым работает Аристотель в «Никомаховой этике», относится к тому, что сейчас называется общественным мнением. В тексте произведения можно найти около сорока явных обращений к распространенным в обществе мнениям, часто обозначаемым словосочетаниями «общее мнение», «принятое мнение», «распространенное мнение», «известное мнение». Шестнадцать раз встречается выражение «принято считать», многочисленны ссылки на народные пословицы и изречения, знакомые древним грекам трактовки сюжетов из мифов, эпоса и исто-

рии. Выделяются, как самые авторитетные, «экспертные мнения» мудрецов, опытных людей, высказывания знаменитых философов и политиков, цитаты из Гомера и трагиков. Аристотель пишет (NE, VI, 12, 1143b 11–14): «Поэтому недоказательным утверждениям и мнениям опытных и старших {или рассудительных} внимать следует не меньше, чем доказательствам. В самом деле, благодаря тому, что опыт дал им “око”, они видят [все] правильно» [Аристотель 1984: 186].

Полагаю, что научный дух Аристотеля не был бы оскорблен использованием математизированных и компьютеризированных инструментов в проекте WHR. Наоборот, автор «Никомаховой этики» и «Политики» радовался бы тому, что его идеи живут, успешно применяются с помощью расширяющегося «органона» в глобальных исследованиях, проверяются, конкретизируются и развиваются.

Литература

Алексеева И. Ю. Индекс счастья и конец истории // Философия и общество. 2019. № 4(93). С. 56–64.

Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.

Виндельбанд В. История древней философии. Киев: Тандем, 1995.

Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «русское счастье» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. Филология. 2012. № 2(18). С. 69–75.

Доватур А. И. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 38–52.

Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 99–116.

Карпинский К. В. Смыслоразнозначный кризис личности: феноменология, механизмы, закономерности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017.

Рахманкулова Н. Ф. О праве на счастье. Идеи Аристотеля для общества знания // Философия и общество. 2018. № 1(86). С. 58–76.

Oishi S., Graham J., Kesebir S., Galinha I. Concepts of Happiness Across Time and Cultures // Personality and Social Psychology Bulletin. 2013. № 39(5). Pp. 559–577.

Suicide in the World: Global Health Estimates. WHO/MSD/MER/19.3. World Health Organization, 2019.

Wierzbicka A. 'Happiness' in Cross-linguistic & Cross-cultural Perspective // *Dædalus*. Spring, 2004. № 133(2). Pp. 34–43.

Wierzbicka A. What's Wrong with «Happiness Studies»? The Cultural Semantics of Happiness, Bonheur, Glück and sčas'te // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М. : Языки славянских культур, 2011. С. 155–171.

World Happiness Report 2017 / ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York, 2017.

World Happiness Report 2018 / ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York, 2018.

World Happiness Report 2020 / ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs, J.-E. De Neve. New York, 2020.